

Глупая добрая сказка

Когда-нибудь на геленджикской набережной, около, а то и вместо угрюмого Лермонтова, всем своим видом как бы говорящего: «Эк меня занесло», будет стоять памятник Владимиру Мегре. Я вижу его так же ясно, как маленького Ленина в ближайшем сквере: невысокий, плотный, в вышитой косоворотке, в брюках, чуть длинноватых – как, впрочем, и Ленину, – с усиками, с глазами, устремленными вдаль, и с огромной кедровой шишкой в вытянутой к морю жилистой руке. Я верю, так будет. Ибо для маленького и бедного курорта Мегре сделал много больше, чем Лермонтов и Ленин вместе взятые

Признаюсь честно: я ехал в Геленджик, на регулярную конференцию поклонников Мегре, с сильным предубеждением. Просто-таки с намерением камня на камне не оставить от новой российской секты анастасийцев, которая ширится с быстротой лесного пожара. Но, проведя пять дней у холодеющего моря, в конце сезона, среди винограда по четыре рубля кило, в атмосфере всеобщего и несколько даже истерического доброжелательства, я над многим задумался. Теперь я очень не против, чтобы Владимир Николаевич создал свою политическую партию, прошёл в Госдуму и стал в конечном итоге президентом России. Страна его заслуживает. Он – самое подлинное, самое похожее её дитя. Разумеется, отношение моё к его литературным трудам и их поклонникам от этого не изменилось. Но России в её нынешнем состоянии нужен именно Мегре. Примаков отдыхает.

Всё началось в 1994 году, когда «духовный предприниматель» Владимир Николаевич с командой единомышленников ездил по сибирским рекам с так называемым «Купеческим караваном». В задачи каравана, как расплывчато поясняет автор супербестселлера, входило налаживание экономических связей с регионами Севера. Двигались в лучших традициях триллера: ночью передвигались, днём причаливали и договаривались. Во время одной из стоянок на Оби, на пути к Новосибирску, на палубу к Мегре поднялись два старца (одному, как он утверждал, было 119 лет, другому – 93) и принялись убеждать духовных бизнесменов в целительных свойствах кедр. Кедр, настаивали аксакалы, получает информацию непосредственно из Космоса. Если разуться (с разувания отчего-то начинают все целители) и левой рукой надеть на шею кусок кедр на верёвочке, а потом периодически этот кусок поглаживать, то и в 93, и в 119 лет сможешь внятно говорить и подниматься на палубу. Предприниматели не обратили на старцев внимания, но Мегре всё сказанное запало в душу. Он принялся в перерывах между трудами читать Библию и обнаружил там прямые намёки на то, что кедр – самое целебное и душеполезное дерево, которое бывает (библейский кедр из семейства кедров к сибирскому из семейства сосен никакого отношения не имеет, но Мегре такие мелочи не смущают). В качестве доказательства своей теории он приводит биографию Григория Распутина, который вырос среди кедров и обладал потрясающей жизнестойкостью. Да и борец наш Александр Карелин возрос на кедровом орехе, замечает Мегре. Предпринимателем овладел гуманистический зуд. Ему захотелось открыть всему человечеству целительные свойства сибирского великана. С этой целью он год спустя рванул по реке Оби на то же самое место, где когда-то его посетили старцы. Но на этот раз вместо старцев его поджидала женщина неопределённого возраста в платке и калошах, которая и предложила предпринимателю пройти вглубь тайги 25 километров, чтобы там показать ему так называемый Звенящий кедр (звонит не всякое дерево, а только особо насыщенное информацией из Космоса). Так начинается книга Мегре «Анастасия», суммарный тираж которой на сегодняшний день подбирается к двум миллионам.

Вы наверняка видели эту книжку на развалах, лотках в метро, в киосках и прочая. Знакомо вам и лицо Анастасии – оно смотрит с бесчисленных плакатов и календарей, продающихся по всей российской провинции. Читателю, помнящему историю семьи Лыковых («Таёжный тупик» В. Пескова), эту главную газетную сенсацию семидесятых годов, нетрудно вообразить, какого рода приключениями насыщены книга Мегре и два её продолжения (всего он дал Анастасии слово написать девять книг, сейчас готова четвёртая). Но сочинение Мегре, конечно, иного рода. Это учебник жизни с элементами любовного романа и триллера, с целыми пассажами, писанными белым стихом, с приемлемой дозой эротики и массой установок, которые героиня даёт российскому населению.

Здесь надо отдать Мегре должное: он безупречно чувствует аудиторию и её запросы. Конечно, Анастасия учит единению с природой. Конечно, в основе её учения – нехитрые истины, хорошо знакомые всякому, кто читывал прелестный в своём гармоническом безумии труд Порфирия Иванова «Детка». Само собой, Анастасия может посылать «лучики», куда ей угодно, и воздействовать на людей «своими тонкими энергиями». И зимой и летом она ходит обнажённой или полуобнажённой. Ей двадцать восемь лет, она потомок друидов, а аксакалы, делавшие в начале книги рекламу звенящим кедром, приходится ей дедом и прадедом. Анастасия лишилась родителей в раннем детстве, а воспитали её дед, прадед и доброжелательные звери. Ну и, конечно, кедр во всех видах – внутрь, мануально и прочая.

Мегре на протяжении всей книги педалирует свою непонятливость и придурковатость, чтобы тем яснее высветить глубокий разум героини, которая никогда нигде не училась, но посредством своих лучиков знает всё. Питается Анастасия беличьими запасами: щёлкнет пальцами, и к ней во множестве бегут белки с уже очищенными орехами и сушёными грибами. А Мегре она выбрала для того, чтобы через него явить миру свет своих прозрений, и ещё для того, чтобы от него понести.

Спасение России сибирская ведунья видит в дачниках. Именно они, считает разумная девушка, наиболее близки к природе и могут себя прокормить независимо от правительства. Второе спасение России – барды. Они звенят своими струнами, как некие кедровые шишки, и тем насаждают в стране исчезнувшую было духовность. Чувствуете гениальный выбор потенциальных поклонников? Да кто же у нас не дачник и не бард? Все бюджетники ковыряются в огородах, все старшеклассники пощипывают струны. Третью опору страны Анастасия видит в духовных предпринимателях, которые должны объединиться и заложить основы честного бизнеса в России. В общем, потенциальный читательский электорат охвачен целиком (любой разорившийся предприниматель предпочитает думать, что разорился он по причине своей духовности, и этим же утешают себя миллионы дачников и бардов, выращивая мелкую картошку и сочиняя дурные песни). И естественно, если все эти категории населения вооружатся сибирским кедром, при этом регулярно выходя босиком на свои участки и «потягиваясь около растений» (эта необременительная, но оздоровительная процедура рекомендована Анастасией как обязательная), противостоять им не сможет уже никто.

Дальше начинается самое интересное. В 1995 году Мегре посещает Геленджик (свидетели того исторического посещения многочисленны, а сама поездка давно стала темой апокрифа). И здесь его осеняет. Кто бывал на этом хиреющем курорте, хорошо знает о таинственных каменных сооружениях, раскиданных по его окрестностям. Внимания на эти сооружения никто не обращал – стоят себе и стоят, как доты, оставшиеся со времен войны. Правда, известно было, что называются они дольменами (в переводе с кельтского – каменный стол), относятся предположительно ко второму тысячелетию до нашей эры и служили местным племенам то ли усыпальницами, то ли храмами. Местные пастухи и туристы пережидали в них дождь. Стандартный дольмен – это каменный шалаш с дыркой в фасаде.

Тут Мегре осеняет. Он смекает, что они с городом Геленджиком друг другу ужасно нужны. Тем более что больше они на тот момент не нужны никому: духовный бизнес Мегре увядает, в Геленджик никто не ездит, а вместе они сдвинут все окрестные горы. Мегре, чтобы раскрутиться, нужна площадка. Городу, чтобы раскрутиться, нужна приманка. И во второй книге анастасийского цикла появляется указание на то, что дольмены – священные хранилища сгустков информации. То есть в каждом племени был некий мудрец, и мудрец этот, достигнув определённого просветления, уходил в дольмен медитировать. Там его замуровывали, а он лежал и контактировал с Космосом. В дырку ему, надо полагать, подавали кумыс. Потом он, естественно, от такой-то жизни врезал дуба, а дух его оставался в дольмене и давал полезные советы всем желающим. То есть перед нами уникальное каменное хранилище древних магических знаний, и если подойти туда с чистым сердцем – и, естественно, босиком, – то утёс-великан всё, что думал Степан, всё тому смельчаку перескажет.

Владимир Тендряков в романе «Покушение на миражи» пытался ответить на вопрос: почему тысячу пророков побивают камнями, а тысячу первого внимательно выслушивают и, побив, канонизируют? Можно, конечно, допустить, что Мегре просто повезло и из сотни лжепророков и лжеучителей его выбрала статистическая случайность. Но я склонен полагать, что всё обстоит хитрее и над страной проводится глобальный социологический эксперимент, цель которого – доказать (то ли политикам, то ли политтехнологам), что даже самое абсурдное и заведомо алогичное учение будет на ура подхвачено электоратом, если адресата учения правильно выберут грамотные люди. Первая книга Мегре вышла тиражом две тысячи экземпляров и распространялась им лично в метро «Таганская». Второй тираж «Анастасии» был в десять раз больше и разошёлся вдвое быстрее. Третий подобрался к ста тысячам. Последнее – петербургское – издание в мягкой обложке разошлось тиражом пятьсот тысяч экземпляров, а в конце года Профиздат выпустит миллион. Каждой новой книги ждут с нетерпением (последовали «Зве-

нящие кедров России» и «Пространство любви», подготовлено к печати «Сотворение» и пишется пятая серия, о друидах). Восторженные читательские письма и чудовищные стишки, в изобилии ему присылаемые, Мегре выпустил отдельной книгой в твёрдой обложке, страниц на пятьсот, и планирует выпустить вторую того же объёма – обе называются «В луче Анастасии звенит душа России». Барды шлют ему кассеты. Но самое главное – только за этот год приток паломников, посещающих Геленджик, возрос на 50 тысяч человек!

В это невозможно поверить, но, начитавшись «Звонящих кедров» – этого дикого, полуграмотно изложенного синтеза доморощенной эзотерики и квасного ура-русского патриотизма, – в Геленджик толпой хлынули русские искатели духовности, жаждущие прикоснуться к мудрости дольменов. Этот поток немедленно смёл на своём пути городскую администрацию, которая совершенно искренне спрашивала – вы чё, ребята, какая мудрость веков, они тут стоят всю жизнь, в них мусора горы! Зато из среды геленджичан и геленджичек выделилась Валентина Ларионова, депутат городской Думы, экзальтированная женщина с лихорадочным румянцем, вечной улыбкой и неизменным придыханием. Она взялась за дело с фанатизмом антропософки и быстренько организовала добрую дюжину экскурсионных маршрутов. Наняли ясновидящих, которые пошли по дольменам и рассказали потрясённому народу: чувствую... ох, чувствую... вот в этом дольмене лежал вождь племени, ему было 189 лет (не иначе кедром натирался. – П.З.), он достиг выдающихся успехов в управлении людьми, и дольмен хранит информацию о науке руководства массами. Называйте его дольмен Управления, а вождя звали Раф. Большинство дольменов имеют трёхбуквенные наименования и специализацию (в окрестностях Геленджика пока освоено только тринадцать, но всего их на Кавказе, утверждают экскурсоводы, больше тысячи – только надо искать). Есть дольмен Любви, где лежали двое, желая донести до потомков свою любовь. Есть дольмен Нежность, есть Огонь (самореализации учит, как важно поясняют гиды), а есть дольмен Прамамочки – самый главный. Прамамочкой Анастасия ласково называет свою пращурку десятитысячелетней давности. Она обладала всеми теми же способностями, что и наша ведунья, и добровольно ушла в затвор, чтобы сконцентрировать в камне свою силу. Не знаю, какой гений придумывал эту промоушенскую кампанию, но расчёт сработал: дольмен Прамамочки засекречен. Лишь очень немногие и после особо долгих уговоров водят к нему – нельзя же слишком часто беспокоить Прамамочку! Это самый привлекательный и таинственный пункт в экскурсионной программе Геленджика. Без своей тайны куда ж.

Стоит, кстати, посмотреть, как обставлен сам ритуал общения с дольменом (гиды называют это «работой» с ним, но лично Мегре возражает против такого термина: «Надо просто общаться», – говорит он). Все разуваяются. Ужасен и трогателен вид множества россиян средних лет, которые вдруг принимают разуваться. Ноги их изуродованы долгим хождением в неудобной обуви, а о цене и качестве этой

обуви я вообще молчу. Босые педагоги, врачи и строители (именно таков основной профессиональный контингент анастасийцев) на цыпочках приближаются к каменным домикам и возлагают на них руки.

– Кончиками пальцев, это самое чувствительное место! – советует гид. – И встаньте там, где вам удобнее. Это и будет ваше место (и Кастанеда всплыл. – П.3.).

Одна из ясновидящих рассказала, как на самом деле происходило погружение мудрецов в их каменные убежища. Знамо, для начала она впала в транс. «Чувствую... вижу... всё племя в белых одеждах... закладка дольмена – это же праздник! Вижу, как идёт мудрец, лицо его лучится счастьем жертвы... ведь он останется тут навсегда, и дух его не взлетит на небеса, а будет привязан к дольмену, откуда станет подавать советы... Его сопровождают красивейшие девушки племени, все девственницы. Горят костры... Четыре девственницы на кончиках пальцев!!! приподнимают тяжелую плиту!!! Это потому, что вся психическая энергия племени сконцентрирована на них... подняли! Мудрец лег. Плита закрылась. И всю ночь звучат песни».

Представление о языческих празднествах почерпнуто частично из фильма «Андрей Рублев», частично из менее качественной продукции студии Довженко или «Молдова-фильма». И тем не менее народ верит – по полчаса, упираясь в мать сыру землю босыми ногами, а в дольмен – кончиками пальцев, стоят наши люди и медитируют.

– Ой, что это меня всю шатает? – спрашивает одна гостья из Донбасса.

– Это прекрасно, – поясняет гид. – Это в вас вошла светлая энергия. Она сейчас прочистит ваши каналы и свяжет с информацией...

Разумеется, экскурсиями работа местных фанатов Мегре не ограничивается. На подступах к городу сооружен фонтан Любви, о котором придумана соответствующая легенда. Омовение в данном фонтане наделяет неутомимостью в любовных делах и гарантирует обоюдную верность в супружестве – надо только, придя с партнёром, друг друга напоить из ладошки. В Геленджик рекомендуется ехать целыми семьями. Места вокруг действительно божественной красоты, но отчего-то раньше в эти горы никто не рвался – кто мог, ехал в Анталию, кто не мог, тому не до курортов. Дело в том, что кавказские и даже крымские курорты были у нас уделом среднего класса, которого было очень много – кроме него и номенклатуры, ничего не было. Потом население резко расслоилось на очень богатых и очень бедных, очень богатые поехали на Кипр, а очень бедные – сажать картошку на дачу. Тот слой, для которого Крым и Кавказ были синонимами счастья, постепенно испарился. Вот почему хиреют крымские здравницы и пустуют геленджикские пансионаты. Мегре гениально попал в точку – он сумел заставить распылившийся было средний класс вновь собраться и поехать в места, которые и прежде были этим классом любимы. Есть и стимул – здоровье, душевное равновесие, общение с тонкими энергиями. Пространство сплошной любви. Конечно, большой прибыли нормальному курорту такая публика не принесёт, но для

геленджикских торговцев шашлыком и пирожными и того хватит. В Геленджике живут 48 тысяч человек. Промышленности, кроме кондитерской, нет. Городу надо выживать! И не всё ли равно, какой ценой? Какая разница – сектанты привезут ему средства или кто другой? Не бедствует и Мегре: его зять владеет фирмой по изготовлению всяческих безделушек из кедра, производству кедрового масла и сбору шишек. Звенящие кедровые пошлы в дело по полной программе: флакон кедрового масла, которого в Сибири залейся, ибо и кедров, в сущности, несчитано, – стоит на конференции читателей Мегре около 200 рублей. Расхватывают в момент. Я сам видел, как женщина, отказывавшая себе в обеде из-за нехватки средств, купила два флакона. Этим маслом мажутся, его пьют, его держат под языком, словом, явилось второе мумие. Кедровый кругляш диаметром два сантиметра стоит пятьдесят рублей, и все анastasийцы имеют его на груди. А уж как разбирали шишки, пять огромных коробок, которых Мегре привез бесплатно! Я видел чудо. Я видел, как шишки, которые в Сибири валяются под ногами, хватают и молитвенно оглаживают, видя в них источник здоровья и вообще спасательный круг в бурях жизни. Серьезные люди с высшим образованием уверяют, что без обращения к Анастасии у них на участках ничего не росло, даже укроп, а после обращения всё так выросло, так выросло, что они не знают, куда девать... А всё лучики!

И ведь в частных беседах с вашим корреспондентом они в открытую признаются: «А мне неважно, есть Анастасия или нет её. «Существую для тех, для кого существую», – сказала она сама. Если её нет, так всё ещё лучше, ещё глубже! И потом, Мегре сам говорит: «Я глупый, я такого выдумать не мог».

Нет, он не глупый. Он очень неглупый. Я слышал его восьмичасовое выступление перед толпой, заполнившей доселе пустынный Дом культуры курорта, что на улице Луначарского. Перед его появлением зал в восторге встал, а когда он уходил – его провожали с удвоенным энтузиазмом. Таких ораторов мне не случалось видеть давно. Он необыкновенно прост, органичен и убедителен. Об Анастасии говорит без всякого придыхания. Просит поменьше употреблять слово «духовность». Делает упор на семейные ценности, сетует, что слово «семья» в газетах приобрело негативную окраску. Хвалит Татьяну Дьяченко за верность больному отцу. Открещивается от политики, но говорит, что под давлением общественности вынужден создать политическую партию. Пора в Думе представить интересы простых россиян! Проект устава партии «Созидание» уже распространён на конференции. Главный пункт: каждому россиянину в безвозмездное и бессрочное владение, без права продажи, передаётся 1 гектар земли. Пусть делает на нём что хочет, при обязательном условии: четверть его засадить лесом. Хорошо бы кедром. Это в своём роде даже круче хрущевской кукурузной утопии, когда в роли кедра выступала царица полей, насаждаемая для такого дела даже в районах Крайнего Севера. Не говоря уже о том, что, если всю Россию поделят между её жителями по гектару, территории может не хватить. Да и проблематично обрабатывать этот гектар своими руками, без техники. Но детали можно досочинить, а сама идея – выдать каждому по участку земли – вызывает у народа бешеный энтузиазм. Лишь две скептические записки пришли Владимиру Мегре (отвечает он чётко, заинтересованно, с грацией поэта-шестидесятника где-нибудь в Политехническом). Первая: «Не кажется ли вам, что вы прочтёте себя в пророки новой секты?» И вторая: «Похоже, вы занимаетесь сетевым маркетингом». Сетевой маркетинг, если кто не знает, – это «гербайфовский» принцип распространения продукта или учения из рук в руки.

Насчёт первого Мегре определённо сказал: «В пророки не рвусь, мы не секта, а движение». Насчёт второго. Принцип коммерции Мегре прост: в России умеют делать то, чего давно уже не делают нигде. Западная пища безвкусна, словно картон жуёшь. А наша бабушка как засолит грибок или помидорчик – не оторвёшься. Надо, чтобы эти бабушки слали свои продукты ему, а он найдёт покупателя. Более того: все, кто умеет что-нибудь делать руками – шить, выпиливать, вырезать рамочки, вязать крючком, выжигать по дереву или шить мягкую игрушку, – пусть отправляют ему письма по электронному адресу megre@aha.ru.

...Но тут любой нормальный человек из числа читателей, ещё помнящих грамоту, в понятном изумлении спросит меня: вы что же, не верите в другой способ спасти русский бизнес, как только через идиотскую сказку про таёжную целительницу? Вам что же, нравится обман, жертвами которого становятся тысячи, сотни тысяч? Остановитесь – ведь вы делаете рекламу беззастенчивому шарлатану, спекулирующему на нищете и невежестве!

И я вынужден целиком и полностью признать вашу правоту, прозорливый читатель. Да, я считаю, что русская промышленность и русское самосознание могут встать на ноги только благодаря глупой сказке. Потому что и Россия сейчас – страна очень глупая. Так она расплачивается за семьдесят лет господства марксистской науки и за пятнадцать лет отсутствия всякой науки. Люди забыли и то, что знали. Образование пало ниже всякой критики, и чем больше у нас становится академий и академиков, тем меньше тех, кто помнит, что такое квадратный корень. Зато слова «энергия», «сгусток», «импульс» магически действуют на недоучек. Сегодня Россию может спасти только очень тупая национальная идеология. И лучше, если это не будет идеология жёсткой руки и ксенофобии (а-ля Лужков), реванша (а-ля Зюганов) или выживания циничнейших (а-ля монетаристы).

Вот почему с конференции по книгам Мегре я вернулся куда большим оптимистом, нежели уезжал на неё. Сегодня к почину Геленджика присоединился славный город Туапсе, завтра дольмены найдут где-нибудь в средней полосе, а не найдут – так построят. На одном северокавказском дольмене я видел отчётливый отпечаток человеческой ноги, бетона в древности делать не умели, так что новодела, видимо, хватает. И если главный наш сектант от исторической науки А. Фоменко с лёгкостью доказывает, что никакой античности не было, думаю, умельцам и трепачам из русской глубинки не составит труда доказать, что сохранившиеся с войны доты суть культовые сооружения ранних друидов или поздних атлантов.

С «Анастасией» уже борется Богородичный центр, запретивший своим адептам читать эту ведовскую, как им кажется, книгу. А Русская православная церковь молчит, словно ей и дела нет ни до чего.

Ну и правильно, я думаю. Раз она молчит, что ж мы будем за неё говорить. Значит, народу нужна Анастасия. Серьёзные люди это уже поняли: студия Горького, которой деньги необходимы до зарезу, всю снимает по заказу Мегре фильм о его героине. Пожертвования присылают со всей страны.

Думаю, что, поскольку впереди ещё пять книг про Анастасию, – городским властям в российской глубинке медлить нельзя. Надо срочно связываться с Мегре по указанному адресу и отправлять послания типа: дорогой Владимир, вокруг нашего города огромные заросли щавеля, не могла бы Анастасия в одну из ваших следующих встреч намекнуть, что он очень полезен.

Думаю, он ответит.

И Россия постепенно спасётся.

P.S. Два слова о псевдониме. Из разговоров с сектантами я понял, что они абсолютно нормальные люди во всём, что не касается Анастасии. За неё они – горой. Это заставляет меня подписаться чужой фамилией, взятой из той же сферы, из какой взято гордое имя Мегре. Я, правда, не исключаю, что Владимира Николаевича действительно зовут именно так. А меня, поскольку я истинный патриот, зовут

Павел П. ЗНАМЕНСКИЙ.

Фото Владимира Веленгурина («КП»)

На фото:

- Это в вас вошла светлая энергия. Она сейчас прочистит ваши каналы и свяжет с информацией
- И зимой и летом она ходит обнажённой или полуобнажённой. Ей двадцать восемь лет, она потомок друидов, а аксакалы, убеждавшие Мегре в жуткой пользе звенящих кедров, приходятся ей дедом и прадедом
- Подозреваю, что представление о белых одеждах, кострах и девственницах базируется на каких-то древнейших фольклорных архетипах из драконьих легенд, когда красивейшую девственницу скармливали чудищу
- Его сопровождают красивейшие девушки племени
- Ну и что мы будем отбирать у этих добрых, бескорыстных, немного тронутых людей – их главную радость? Побывали они на курорте, искупались в море, винограду поели, а главное – пообщались с такими же, как они

Журнал «Огонёк», №52 (5078), 2008

<http://www.ogoniok.com/archive/1999/4615/28-22-27/>